

не зная ее языка и ее литературы, а «кто не знает России, тот ничего не знает о высоко значительном отделе общего существа культуры нашего времени», тот закрывает глаза на «величайший современный пример стародавнего, но вечно нового стремления человечества к свету и воздуху, борьбы за религиозное и нравственное углубление, за духовную и гражданскую свободу, за хозяйственный и социальный подъем, — за все те идеалы, из-за которых стоит жить»¹⁸⁵. «Единственный из славянских языков, который кажется призванным занять место в ряду нынешних главных культурных языков, это — русский язык». Та триада таких языков, о которой говорил Дильс, должна будет расшириться в тетраду¹⁸⁶: русский язык станет рядом с немецким, французским и английским. — Крумбахер шел [130] еще дальше в своих предсказаниях. Его радовала мысль, что возвышенное после злополучной войны преобразование государственного строя России «означает для исполинской державы начало новой, богатой надеждами эпохи и, может быть, некогда будет цениться еще выше, чем реформа Петра Великого»¹⁸⁷. Он верил, что преобразовательное движение превратит старую Россию в новую, более сильную и великую¹⁸⁸. Учитывая последствия будущего подъема могущества и влияния нашей родины при постоянном росте ее населения, Крумбахер находил возможным предсказывать, что «русский язык, вероятно, возвысится даже до положения одного из главных **мировых** языков», что со временем языками мирового общения будут главным образом два языка, английский и русский¹⁸⁹.

Сбудутся ли когда-нибудь эти пророчества? Да или нет, но наш священный долг — глубокой благодарностью проводить в царство вечности такого пророка.

Теодор Гомперц (1832–1912) (некролог)¹⁹⁰

[927] 16/29 августа скончался замечательный еллинист и историк греческой философии Теодор Гомперц.

Выдающейся чертой его умственного склада была многосторонность стремлений, простиравшаяся на разнообразнейшие предметы науки и на

¹⁸⁵ Ibid. S. 367.

¹⁸⁶ Ibid. S. 365 sq.

¹⁸⁷ Ibid. S. 364.

¹⁸⁸ *Krumbacher K. Rec.: Die Erzählungen über die 42 Märtyrer von Amorion und ihre Liturgie, herausgegeben von V. Vasiljevskij und P. Nikitin. 1905 // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1905. № 12. S. 939.*

¹⁸⁹ *Populäre Aufsätze. S. 366 sq.*

¹⁹⁰ [Опубл.: Известия Имп. Академии наук. 1912. Сер. 6. № 15. С. 927–936.]

запросы жизни. Ранние проявления и развитие этого свойства его природы изображают его «Воспоминания»¹⁹¹, любопытный и живой рассказ истории его рода и собственной его жизни до начала профессорской деятельности.

Он родился в 1832 году 29 марта нового стиля в Моравии в Брюнне, славянском Брне, в зажиточной еврейской семье. Своим начальным образованием гораздо больше, чем школе, был он обязан домашнему обучению, имевшему необычайно широкую программу. Главными его домашними учителями были сперва один немецкий самоучка (Brisker), обладавший множеством сведений по всевозможным наукам и сам составлявший учебники математики, а потом чех Братранек. Это был преподаватель философии в Брюннском лицее; но кроме философии он много занимался и ботаникой; а впоследствии в Краковском университете сделался профессором германистики; находился в дружеских сношениях с Оттилией Гете и издал часть Гетевской корреспонденции. Носил католический духовный сан каноника, но в философии был последователем свободомыслящего молодого гегельянства. Разговоры с этим учителем и пользование его библиотекой повели к тому, что произведения не только Шлейермахера и Гегеля, но также Штраусса и Фейербаха стали знакомы Гомперцу, когда он был еще мальчиком, учеником Брюннской гимназии. Скучность образования, дававшегося этим учебным заведением, и вообще свойства австрийской дореформенной, «домартовской», средней школы Гомперц [928] ярко изобразил в некрологе своего университетского учителя, Боница.¹⁹² Впрочем, на склоне лет и о гимназии Гомперц вспоминал с благодарностью, но только за то, что она оставляла своим питомцам много досуга, не мешала каждому следовать своим особым склонностям и дополнять свое образование обильным чтением.

Настроения, разразившиеся мартовскими событиями в столице Австрийской империи, проникали и до Брюнна, захватывая и Гомперца с его товарищами-гимназистами; а, когда наступили эти события, Гомперц дважды в составе Брюннского студенческого корпуса ходил в Вену. Поступив осенью 1849 г. в Венский университет, он по практическим соображениям записался в юристы; но эти соображения бессильны оказались обуздать его ненасытную любознательность. Не заботясь об экзаменах и ученых степенях, не страшась обратиться в «вечного студента», Гомперц занимался разнороднейшими предметами и, кажется, всего меньше юридическими.

¹⁹¹ *Gomperz Th. Essays und Erinnerungen*, 1905. S. 1–33.

¹⁹² [Hermann Bonitz (nekrolog) // *Biographisches Jahrbuch für Altertumskunde*, begründet von C. Bursian. 1888. 11 Jahrgang. S. 66–68.]

В своих «Воспоминаниях», не называя ни одного из учителей юриспруденции, он с благодарностью упоминает о многих профессорах и частью своих товарищах, у которых в университете или вне его учился другим наукам: истории философии, санскриту, физиологии, ботанике, химии, физике, высшей математике. Классической филологией он занимался у Боница, основательнейшего знатока Платоновской и особенно Аристотелевской философии, очень ясно излагавшего тогдашнее состояние Гомеровского вопроса и с большим умением толковавшего трагедии Софокла. Занятия Гомперца классической филологией были так усердны и успешны, что он вскоре был допущен к участию в работах руководимого Боницем филологического семинария.

В первые семестры студенчества любимым чтением Гомперца были Гомер и вместе с Гомером — Спиноза. Но скоро его вниманием завладели и навсегда определили его мирозерцание мыслители иного направления. В библиотеке юридическо-политического общества, в котором состоял молодой студент, ему попала книга Милля отца «Analysis of the phaenomena of the human mind». От нее он перешел к изучению «Системы логики» Милля сына. Уже первое знакомство с этой последней вызвало в нем такой восторг, что, едва дочитав ее до конца, он начал ее переводить. «Никакая другая книга, — вспоминал он в старости, — не способствовала столько просветлению моего мышления. При изысканиях самого различного рода мне существенно помогало и содействовало то, что я [929] помнил о Миллевом каноне индукции и о четырех основных методах всякого исследования». Гомперц обратился к Миллю с письмом, в котором просил о разрешении издать перевод «Логики», а вместе излагал мысли, к которым пришел, ее изучая. Милль отвечал выражением удовольствия, что его труду достался переводчик, в такой полноте проникшийся духом подлинника. Последствием начавшейся таким образом переписки были потом и дружеские личные сношения с английским мыслителем.

По-видимому, этим обращением к новейшей философии феноменализма, или позитивизма, филологическая любознательность Гомперца направлена была на изучение более или менее сродных течений греческой мысли. По поводу одной из работ Бернайса о Гераклите он стал знакомиться с той массой произведений, которая объединяется именем Гиппократов. В числе их особенно замечательным, недостаточно понятым и оцененным показалось Гомперцу сочинение, которое озаглавляется «Об искусстве». В одной из частей этой апологии врачебного искусства Гомперц нашел развитие известного положения Протагора: «человек есть мера всех вещей». Наблюдая другие особенности содержания и стиля этого псевдогиппократовского произведения, Гомперц пришел к предположению его принадлежности

древнейшему и значительнейшему из так называемых софистов. Задача обоснования этой гипотезы понята была Гомперцем так широко, что потребовала многосложных и разнообразных подготовительных работ. Она была выполнена приблизительно лишь через 35 лет, когда вышло приготовленное Гомперцем критическое издание сочинения «Об искусстве» с обширным введением, переводом и обстоятельным комментарием. Гомперцу не удалось сделать свое главное положение общепризнанной истиной, но всестороннее объяснение любопытного и важного литературного памятника само по себе составило большую заслугу и было плодотворно множеством отдельных наблюдений и замечаний, ценных для истории греческой медицины, греческой философии, греческой литературы, греческого языка, а сверх того послужило поводом для других работ Гомперца, например, для его прекрасных «Геродотовских этюдов». В изучение Геродотовской истории он углубился сперва ради ионического диалекта, которым написано и сочинение «Об искусстве». Для установления текста этого сочинения необходимо было обратиться к рукописям, его сохранившим. С этой целью Гомперц посетил Париж и там познакомился с издателем произведений Гиппократовского сборника, знаменитым Литтре. Кроме сродства научных интересов и философских убеждений [930] сблизили Гомперца с этим поборником позитивизма и общие их заботы об участии вдовы Огюста Конта.

Среди приготовлений к решению одной научной задачи Гомперц взял на себя и скоро блистательно решил другую, соприкасающуюся с тем эмпирическим направлением греческого мышления, за которое Гомперц особенно ценил сочинение «Об искусстве». Его внимание привлекли сохранившиеся в Геркуланских папирусах остатки философской эпикурейской литературы. В 1863 г. он разыскивает попавшие в Оксфорд и там затерянные копии этих папирусов, а уже в три следующие года выпускает восстановленные по этим копиям и по Неаполитанским три сочинения эпикурейца Филодема. При совершенно первобытном еще тогда состоянии техники обработки папирусовых памятников письменности дешифровка текстов по очень несовершенным копиям обугленных лавой и пеплом Везувия хрупких оригиналов (которые после также были Гомперцем обследованы), требовала и множества знаний философских, литературных, мифологических, и мастерского усвоения особенностей языка греческого писателя, и большой критической изобретательности. Труд восстановления текстов исполнен был Гомперцем с таким успехом, что, несмотря на поправки и дополнения, которые впоследствии с разных сторон были предложены и которые легко было делать после того, как создана была для них широкая и прочная основа, послужил блестящим началом ученой славы молодого исследова-

теля. Превосходными признавал эти работы Гомперца наш А. К. Наук¹⁹³. А этот ценитель обладал полной правоспособностью для суждения о них уже потому, что сам не мало потрудился над разгадкой того, что называл¹⁹⁴ «гieroглифами» Филодемовских писаний. По всей вероятности, больше всего этим же работам обязан был Гомперц и допущением на поприще университетского преподавателя.

Через 17 лет после поступления в студенты, не сдавая ни юридического, ни учительского экзамена, он все еще не был человеком определенной профессии, а, любовно предаваясь труду филолога, в то же время свободно следовал другим влечениям своей духовной природы. По временам сотрудничал в политических отделах периодических изданий, иногда читал публичные лекции, участвовал в учреждении Венского антропологического общества, вместе с другим известным классическим филологом и будущим министром народного просвещения [931] Гартелем и со знаменитым германистом Вильгельмом Шерером был деятельным членом кружка, называвшегося историческим, но в сфере своих суждений, помимо историй литератур, религий и языков, вводившего и политическую экономию с социологией и вопросы текущей политики, наконец — вместе с тем же Шерером, следя за начинавшимся тогда в Вене рабочим движением, старался осуществить Шульце-Деличевские идеи: хлопотал об учреждении для рабочих образовательных союзов, обществ потребителей и производителей. Объясняя в своих «Воспоминаниях»¹⁹⁵, почему он долго не пытался обратиться в присяжного, официального служителя науки, Гомперц говорит: «Не было моей юношеской мечтой сидеть век свой на кафедре и изображать собой лишь мыслительную и говорильную машину. Более всесторонняя, между теорией и практикой поделенная деятельность была бы для меня более желанной».

Только в 1867 году, последовав советам Боница и особенно настойчивым увещаниям слависта Миклошича, решился он искать допущения к приват-доцентуре классической филологии в Венском университете. Допущение состоялось, хотя 35-летний ученый все еще не имел докторской степени. Она была дана *honoris causa* лишь в следующем году Кенигсбергским университетом. Через 5 лет после того Гомперц был ординарным профессором Венского университета и членом Венской Академии наук. С этой поры его филологические работы помещались главным образом в изданиях Академии.

¹⁹³ См., например: [Nauck A. Nachtrag zu den Bemerkungen über Philodemus περί εὐσεβείας // MGR. 1866. Т. II. Livr. 6. P. 628.]

¹⁹⁴ Ibid. P. 591.

¹⁹⁵ С. 26.

В большинстве это были серии монографий, подвергавших внимательнейшему разбору отдельные места греческих авторов, а иногда и надписей, или отдельные вопросы истории греческой литературы и особенно греческой философии. Его критические догадки, нередко в высокой степени убедительные, были всегда тщательно обдуманы и обоснованы. Вообще крепко державшийся правила, что при научных разногласиях всегда следует предполагать в честном противнике искреннее желание познать истину,¹⁹⁶ и не способный переносить ученые споры на почву личных нападок, Гомперц, кажется, только однажды влил некоторую долю горечи в свою полемику, именно когда восстал¹⁹⁷ против последней критической манеры Кобета, произносившей в тоне самоуверенной непогрешимости ничем не обоснованные приговоры над рукописным преданием. Особую ценность работы Гомперца, посвященные филологической обработке отдельных [932] текстов, получали от того, что в них он занимался не только такими текстами, для которых признавал необходимым прибегать к *ultima ratio* толковательного искусства, к конъектуре, но равное внимание уделял и тем, для которых без помощи этого крайнего средства находил новые объяснения. Ему удалось с несомненной ясностью определить смысл и полное значение многих текстов, которые прежде или смутно понимались, или подвергались произвольным переделкам. В некоторых случаях таким его успехам содействовало его редкое для филолога знакомство с философией и с историей естествознания. А иногда и житейская опытность и наблюдательность помогали Гомперцу понять то, чего не могла объяснить чисто книжная ученость других филологов¹⁹⁸.

Как конъектуральный критик и толкователь он отчасти в этот период, а отчасти уже в самом начале своей учено-литературной деятельности входил и в ту область, в которой всеми признанным авторитетом и хозяином был Петербургский академик, в область восстановления текстов фрагментов греческих трагиков. Свою оценку этих работ Гомперца и свое уважение вообще к его талантам и заслугам А. К. Наук выразил в 1883 г., предложив Венского еллиниста к избранию в члены-корреспонденты нашей Академии, а еще раньше они выразились в оживленной переписке нашего покойного сочлена с Гомперцем, которая началась не позже 1864 г. и продолжалась до последних дней жизни Августа Карловича. По-видимому, ни с одним из своих корреспондентов Наук не обменивался так

¹⁹⁶ [Hellenika. Eine Auswahl philologischer und philosophiegeschichtlicher kleiner Schriften. Leipzig, 1912. Bd. II. S. 142.]

¹⁹⁷ Ibid. Bd. I. S. 74.

¹⁹⁸ Ibid. S. 311 sq.

откровенно мнениями о делах и людях науки, ни к кому не обращался так часто с сообщениями о своих работах, уже исполняемых или только замысливаемых, и с просьбами о совете и помощи¹⁹⁹; а как важно было для него содействие Гомперца при обработке второго издания фрагментов трагиков, это он высказал и в самом издании²⁰⁰.

Освобождаясь за выслугою лет в 1901 г. от обязанностей профессора, Гомперц еще и до 70-го года жизни с прежней бодрой неутомимостью, предпринимая и исполняя все новые труды, продолжал свою учено-литературную деятельность. Но в то же время, готовясь к неизбежному ее концу, он с той же спокойной, деловитой предусмотрительностью, с какой греческие философы обдумывали свои предсмертные завещания, пересматривал [933] и приводил в порядок свое учено-литературное наследие. В 1905 г. в одной книге с «Воспоминаниями» перепечатал он те избранные из своих журнальных и газетных статей и публичных лекций, которые считал наиболее интересными для большой публики. А уже в самый год его кончины вышла в двух томах первая часть сборника «Hellenika», объединяющая отбор мелких филологических работ Гомперца. Следует надеяться, что его ученики и его сын, также уже достигший почетной известности исследованиями по истории греческой философии, озаботятся выпуском и второй части, т. е. собрания философско-исторических монографий.

Но эти многочисленные и разнообразные так называемые мелкие труды, как ни значительны часто они были и по своему объему и по своим результатам, не служили для Гомперца сами по себе целью научной деятельности, а только работой подготовительной. По одному поводу ему пришлось защищать право на существование таких ученых сообщений, в которых даются лишь детальные, мелочные результаты, полученные попутно при каком-нибудь сложном исследовании или даже при случайных отклонениях в области смежные с главным предметом исследования. Но к своей защите он прибавил такую оговорку: «Нам кажется, что низкая оценка уместна по отношению к такой только научной деятельности, которая вообще не задается высокими и достойными целями, и основательному порицанию подвергает себя лишь та ученая сила, которая, увлекаясь виртуозным многоделанием, предпочитает раздробляться и размениваться на мелочь, тогда как при сосредоточении могла бы создать нечто крупное»²⁰¹.

¹⁹⁹ Такое впечатление производят отрывки из переписки Наука, напечатанные в его некрологе Ф. Ф. Зелинским: [Zielinski Th.] August Nauck // Biographisches Jahrbuch für Altertumskunde. 1893. 16 Jahrgang. S. 1 sq.

²⁰⁰ Tragicorum Graecorum fragmenta. P. XVIII.

²⁰¹ Essays und Erinn., 108*.

Верховной целью научной деятельности Гомперца, объединяющим центром его ученых трудов, было построение такой истории греческой философии, которая соответствовала бы его пониманию хода и значения философского и вообще научного мышления греков. Эту задачу он выполнил в трехтомной книге, которую назвал «Griechische Denker». В ней, как он выразился в ее предисловии, он подводит итоги трудам своей жизни. Начала она выходить в 1896 г., а окончена лишь за три года до кончины автора.

Согласно своим взглядам на значение античной философии, Гомперц хотел дать такое ее изложение, которое доступно было бы широким кругам образованных людей. И действительно, изложил предмет, во многих своих частях весьма не легкий для общего понимания, так [934] ясно, изящно и увлекательно, что трудно было бы найти в какой-нибудь области научной литературы книгу более популярную в благородном смысле этого слова. Но вместе с тем это книга, без которой нельзя обойтись ни специалисту историку греческой литературы, ни специалисту историку греческой философии или вообще науки. Стремление к общедоступности доведено в этом труде до того, что в его тексте не допущено ни одной греческой цитаты на греческом языке; все они заменены переводами; лишь в случаях совершенно неизбежной необходимости встречаются отдельные греческие слова в латинской транскрипции, а весь ученый аппарат сведен к минимуму в следующих за текстом чрезвычайно сжатых примечаниях. Но ради общедоступности автор не обходит молчанием никаких трудностей в существе излагаемых учений или в возбуждаемых ими спорных вопросах. Книга представляет не комpendиум, не безжизненный скелет положений, вошедших в школьный обиход науки, а живое выражение личной мысли автора, результаты или собственных его исследований, частью прежде в монографической форме им изложенных, частью вновь для этого труда предпринятых, или выводы из чужих разысканий, автором проверенные и передуманные, поставленные в новые соотношения, освещенные с новых точек зрения. Изложение Гомперца, всегда одушевленное и изящное, но отнюдь не манерное, не вычурное, увлекает читателя не забавой фокусов риторики и не фейерверками бездоказательных парадоксов, выдаваемых за непреложные истины; оно увлекает потому, что в нем чувствуется вера автора в высокую и всеобщую важность предмета, который он излагает, — увлекает потому, что воодушевляет этой верой и читателя.

Облекая в популярные формы изложение древней философии, Гомперц исходил из того убеждения, которым руководился и прежде, когда отдельные темы из той же области избирал для своих публичных общедоступных чтений или обрабатывал для посетителей народного университета. За античной философией он признавал значение не только историческое, лишь

людям науки интересное, но в известном смысле еще и для нашего времени действенное и жизненное. «Для него филология имела значение прислужницы истории, а история — значение служительницы жизни»: так характеризовал Гомперц деятельность другого филолога, высокоталантливого своего соплеменника, Якова Бернайса²⁰²; но имел бы право применить эту характеристику и к себе.

[935] При определении целей изучения античной философии особенно важным он представляет²⁰³ такое соображение: «Почти вся наша духовная культура имеет свои начала в Греции. Точное познание этих начал есть необходимое условие *освобождения* от их чрезмерного влияния. Все наше мышление, те категории понятий, по колеям которых оно движется, те язычные формы, которыми оно пользуется и которые потому над ним властвуют, — все это в немалой мере есть искусственное создание и прежде всего — порождение великих мыслителей прошлого. Если мы не хотим принимать происшедшее за первоначальное, искусственное за естественное, то должны стремиться основательнейшим образом познать процесс происхождения. — Опровергать можно только то, что объяснено». Тут, таким образом, античность представляется чем-то вроде яда, который новое человечество должно себе в известной обработке прививать, чтобы обезопасивать себя от чрезмерного и вредного заражения тем же ядом. Но на содержании труда Гомперца гораздо ярче отразилось, придавая ему особое своеобразие, другое соображение, высказанное им²⁰⁴ приблизительно так: «Ввиду огромных успехов, сделанных науками в течение стольких веков, может на первых порах возникнуть сомнение, способно ли занятие мыслями и учениями эпохи столь отдаленной принести какую-нибудь пользу. Чтобы подавить это сомнение, надо припомнить, что успех был отнюдь не во всех отраслях знания равномерен, что на поприще нравственных наук он был несравненно менее значителен, чем в области наук естественных, что и в этих последних принципиальные, основные вопросы во многих случаях все еще ждут решения и что самые общие и самые трудные проблемы, хотя часто меняли свою оболочку, но в своем ядре остались неизменно теми же самими».

В силу этого соображения Гомперц в учениях древних мыслителей, касаются ли они наук о человеке, или наук о природе, старается отыскивать прототипы, или, как любил он выражаться, *антиципации*, предвосхищения, положений новой науки. Благодаря широкой энциклопедичности своего образования, ему удалось сделать много любопытных сопоставлений. Труд-

²⁰² Essays und Erinn., 106.

²⁰³ [Griechische Denker. 2 Aufl. Leipzig, 1903. Bd. 1. S. 418–422.]

²⁰⁴ Ibid.

но было бы утверждать, да и он не утверждал, что все они равноценны. Он не мог не сознавать, что известная степень внешнего сходства между древним учением и новым не есть еще доказательство зависимости одного от другого. Если бы вообще было возможно во всех случаях проследить и указать посредствующие звенья, связующие древнее учение с новым [936] его подобием, то этого не могла бы сделать история античной философии, не обращаясь в общую историю человеческого знания от времен Фалеса до времен Пуанкаре. А без таких указаний часто бывает возможно и нередко наиболее правдоподобно предположение, что новая мысль произошла не из древней, а из таких предпосылок, которых древняя не знала. Гомперц иногда, хотя, может быть, и реже, чем следовало бы, сам отмечает случайный характер тех сходств, которые устанавливает. А при таком характере эти сопоставления, эти аналогии, привлекаемые из области новой науки, получают значение лишь одного из приемов толкования древней. Такой прием неоднократно с большой пользой был применяем Гомперцем в других его трудах, особенно в рассуждении о древнейшей греческой системе стенографии²⁰⁵, где древний памятник объясняется с помощью изумительного обилия новых аналогий. Гомперц сознательно допускал и оправдывал пользование подобного рода аналогиями, хотя бы оно приводило и к модернизации древности. Отражая нападки, сыпавшиеся на Моммзена за модернизацию римской, Гомперц говорил²⁰⁶: «В распоряжении исследователя нет другого средства, чтобы сделать мертвое живым для себя самого и для других, кроме применения аналогии». Но, конечно, пользование этим приемом далеко не совсем безопасно, особенно когда задача исследователя состоит не в том, чтобы изобразить Цицерона фельетонистом или Помпея унтер-офицером, а в том, чтобы точно понять и верно выразить мысль древнего философа. В другом своем труде²⁰⁷ Гомперц вынужден был признать великие, иногда даже непреодолимые трудности перевода созданий ранней ступени умственного развития на язык гораздо более ясных и определенных формул мышления позднейшей поры.

В книге о древних мыслителях, с помощью таких аналогий и такого перевода пытаясь темное и мертвое сделать ясным и живым, или изложение мнений древних о предметах этики, социологии, политики согревая проявлениями своего отношения к тем же предметам, Гомперц, может

²⁰⁵ [Hellenika. Eine Auswahl philologischer und philosophiegeschichtlicher kleiner Schriften. Leipzig, 1912. Bd. I. S. 367 sq.]

²⁰⁶ Essays und Erinner., 140.

²⁰⁷ [Die Apologie der Heilkunst, eine griechische Sophistenrede des 5. vorchristlichen Jahrhunderts // Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. 1887. Bd. 120. T. IX. S. 26.]

быть, подчас ошибался, может быть, иногда заставлял древних думать то, чего они не думали. Но едва ли ошибался много чаще тех, которые, толкуя древних, ни о новой науке, ни о современной жизни не думают.

Речь памяти великого князя Константина Константиновича²⁰⁸

С горькой душой о тяжелой утрате Императорского Русского археологического общества открывает свое первое после летнего перерыва общее собрание.

2 июня в 7 часов вечера в Павловске скончался великий князь Константин Константинович, бывший третьим по времени председателем нашего общества. Почти ровно 23 года тому назад, в общем собрании 1 декабря 1892 года — так читаем мы в истории общества — все члены единогласно постановили просить великого князя Константина Константиновича стать во главе общества, о чем и было доведено до сведения Его Императорского Высочества особой депутацией в лице помощника председателя, управляющих их отделениями и секретаря общества. В 19 день декабря 1892 г. последовало высочайшее соизволение на принятие великим князем звания председателя Императорского русского археологического общества. Прибыв в собрание общества в первый раз 18 января 1893 г., Августейший председатель благодарил общество за избрание, которое, говорил он, дорого ему вдвойне как внимание со стороны ученого учреждения и как память об отце, как бы передающем по наследству своему сыну звание председателя общества. При этом великий князь выразил опасение, что не имеет тех познаний в области изучения древностей, какими располагал его покойный родитель, и притом, обремененный многочисленными занятиями, не будет в силах посвящать обществу количество времени, соответствующее своим желаниям. Обращение нового председателя к обществу закончено было заявлением намерения содействовать развитию деятельности общества. Августейший председатель сделал все от него зависящее, чтобы исполнить это свое намерение. С живейшей готовностью, внушаемой уважением к деятельности и заслугам общества, он являлся усердным ходатаем о пользах общества и стойким их оберегателем.

Уже в первые годы своего председательства он исходатайствовал предоставление обществу того помещения, в котором ныне мы находимся, и еще очень недавно своим заступничеством отвратил от общества угрожающую было ему опасность лишиться этого помещения.

²⁰⁸ [Текст речи публикуется по рукописи П. В. Никитина. Здесь и далее указания на местонахождение архивных материалов даны в конце каждой публикации.]